

"УГАЛА": СТАВКА НА МОЛОДОСТЬ

Экспресс не преминул отметить: впервые во вновь независимой Эстонии отмечается дата, уходящая корнями не в буржуазную республику, а в стагнационное время. Десять лет назад в Вильянди было сдано в эксплуатацию новое здание театра "Угала", оборудованное самой совершенной сценой, ну разве что новый "Ванемуйне" мог составить конкуренцию. И, судя по всему, суждено ему стать последним театральным зданием на эстонской земле, построенным в этом столетии и тысячелетии. Искусство дорого, и на торжественном вечере собирались подписи к обращению в парламент с просьбой не лишать театр государственной дотации, потому что "Угала" принадлежит не только уезду Вильянди, но всей Эстонии.

Художественный руководитель театра Яак Аллик остался верен себе и не побоялся пригласить в Вильянди критиков из Москвы и Ленинграда - тех, кто любил и любит театр вообще и "Угала" в частности, несмотря на смену политических режимов. Были и западные гости - из немецкого города Аренсбурга, с чьим театром "Угала" поддерживает тесные связи. И, конечно, своих посланцев прислали все театры Эстонии. Шквал аплодисментов сопровождал выступление представителя Русского театра Эдуарда Томина, чьи талантливые пародии хорошо знакомы русским зрителям. С тех пор, как Эдуард стал выступать с популярным эстонским ансамблем "Кудане трио", он, без преувеличения, стал любимцем эстонской публики. Торжественный вечер прошел очень тепло, а если еще учесть, что он сопровождался балом, и в малом зале можно было танцевать... Вспомни, дарилась давно забытая атмосфера праздника.

Но самым приятным было то, что формальный повод - подумай, десятилетие здания, когда еще такое замечалось? - обнаружил и сегодняшнее крепкое художественное здоровье "Угала". Конечно, немаловажно, что театр был базой сценой для студентов преддипломного выпуска кафедры сценических искусств консерватории благодаря Калле Комиссарову. В "Угала" сейчас много талантливой молодежи. И, что уже совсем хорошо, есть

и молодые режиссеры.

Из шести спектаклей, объявленных в праздничной афише, четыре (!) поставлены молодыми. И по давней традиции, сложившейся в последние десятилетия, все они - "играющие режиссеры", пришли или приходят в режиссуру из актеров. Так что в этом смысле продолжается линия Микка Микивера, Эвальда Хермакюла, Яана Тооминга. Кстати, именно Яан Тооминг был здесь главным режиссером во время открытия нового здания, и именно его спектакль "Народная война" возглавил репертуарный список новой сцены. До сих пор жива его знаменитая постановка "Кижну Йынне", давно ставшая визитной карточкой "Угала", она замыкала собою и нынешний показ, как бы возвращая зрителей к истокам, напоминая о традициях. А остросовременный "Угала" свои традиции чтит и поддерживает.

Репертуарный размах - от исторического полотна "Бог покидает землю" (режиссер Пеэтер Таммеару) до итальянской комедии дельарте "Любовь к трем апельсинам". От комедии дельарте - до чеховской "Чайки". "Любовь к трем апельсинам" и "Чайку" поставил один молодой режиссер - Эльмо Нюганен. Он же сыграл главную роль мальчика в "Травяной арфе" (режиссер Карин Райд). В четырех спектаклях из шести основные роли играл молодой актер Андрес Ноорметс, в том числе Тригорина в "Чайке" и поэта в "Безумце и монахине", а в "Кижну Йынне" он вышел в бессловесной роли матроса. Ничуть ли не буквально по Станиславскому: пусть сегодня ты играешь Гамлета, а завтра выходишь на сцену статистом, главное в тебе - искусство. Андрес Ноорметс - для меня это имя стало открытием "Угала".

Кажется бесспорным, что такие спектакли, как "Любовь к трем апельсинам", "Чайка" и "Безумец и монахиня" (режиссер Андрес Лепик), могли родиться только в атмос-

фере творчества, любви и почитания искусства. В самом деле, попробуйте-ка свободные итальянские "шутки, свойственные театру", разыграть, когда в коллективе царят уныние и тоска. Поразительная легкость и красочность, музыкальность и фантазия, импровизационность и мастерство молодых актеров (Пирет Калда, Эльмо Нюганен, Андрес Ноорметс, Аллан Ноорметс). Какая выдумка, какая стихия игры - словно не в эстонском театре, славящемся интеллектуальностью и силой сдержанного темперамента, разыграна эта комедия масок, а где-нибудь на площади, под палящим солнцем, и мейерхольдовский Дапертутто благословил ее легкомысленность улыбкой мудреца! И хотя Мейерхольд-то и не оказалось среди тех авторов театральных систем, о которых с упоением рассказывал Нюганен, - сеньора Константина, сеньора Бертольда и сеньора Ежи, - но мне чудилось именно его незримое присутствие.

"Чайку" Эльмо Нюганен поставил так, как будто принципиально никаких постановок этой пьесы никогда не видел. Все заново, долой груз пьесетов и авторитетов! Правда и право на стороне молодых, а пожилые и знающие жизнь сами разберутся, что с ними происходит. И, как ни странно, действительно, первые два акта смотришь просто с упоением. Зрители сидят на сцене, где, в свою очередь, выгнана своя сцена - круг, здесь и происходит действие. Я сижу у самой балюстрады, за моей спиной - окно террасы, выходящее в сад, а значит я, как и все зрители, тоже включена в мир чеховской "Чайки". Актеров наблюдаешь буквально на расстоянии вытянутой руки - какой трудный экзамен, и как прекрасно они его выдерживают.

Молодость всегда права, даже когда ошибается. Как замечательно юны и беспечны Нина (Мерле Пальмисте) и Триплев (Аллан Ноорметс). Все

прекрасно, и их объяснение происходит под страстное аргентинское танго - театр! театр! Впереди сцена, он станет великим драматургом, она великой актрисой! Страстно и темпераментно разыгрывает Нина на эстраде у озера первую пьесу Триплева о мировом духе - вместо абстрактного надзвездного взгляда она рассказывает о том страшном, что присутствует порой в детских играх - ух, сердце замирает! И Тригорин (Андрес Ноорметс), знаменитый писатель, похож будет на обиженого студента, когда станет рассказывать Нине об ужасах писательской жизни. Писательское начало существует вроде как вне этого Тригорина - что-то вдруг извне осенило, записал сюжет - и дальше бежит! Это очень интересное наблюдение и хорошо объясняет, почему хорошая книга может не совпадать с выражением лица ее автора. Кстати сказать, именно в этом спектакле появилась прекрасная и бесстрашная возможность прочитать "Чайку" под углом разницы в возрасте между Аркадиной (Карин Райд) и Тригориным. Если Тригорин, грубо говоря - альфонс, то

яснее причина самоубийства этого Триплева, раненного не искусством, а жизнью. К сожалению, эта возможность слабо реализована, стыдливый вариант Аркадиной, которому отдано в спектакле предпочтение, не оправдывает себя, что особенно очевидно в третьем и четвертом акте. Очень жаль, потому что актеры в силах это сыграть, и здесь, может быть, не следовало слишком полагаться, что пьеса сама вылезет. Хотя, повторю, первые два акта смотрятся прекрасно, а отдельные актерские работы замечательны вплоть до финала.

Не молодые герои пьесы - Сорин, Дорн, Аркадина, Шамраев - играют словно в другом ключе, с любовью к деталям, к подробностям быта, с тонко прописанными взаимоотношениями друг с другом, с вниманием к отдельной человеческой судьбе. В их мире Дорн (Аро Поо) влюблен в Аркадину, и она это давно знает. Как знает Полина, что куда ей не деться от Шамраева. Как знает Сорин (Маркус Вахер), что все прошло и ничто не возвратится. Переходная фигура от мира молодости к миру зрелой жизни - Маппа

(сильная работа Кюллики Сальдре). Она молода, но у нее нет надежды и иллюзий. Она пьет от страха, не от тоски.

Молодость - водораздел угалаской "Чайки", утрата молодости означает смирение перед жизнью...

"Безумец и монахиня" Станислава Виткевича нашли в лице режиссера Андреса Лепика внимательного интерпретатора. Поэт (Андрес Ноорметс), которому общество в лице докторов (Андрес Табун и Тоомас Таймла) поставило диагноз "безумие", скорее здоров, болен мир, болен общество, болен мир. Более того - режиссер (Андрес Лепик), включаясь в игру, становится демиургом, творцом этого сумасшедшего мирка, задавая ему ритм и акценты. Он лепит мир из живых людей по своей прихоти, и кто более безумец - творец или творение?

...Разные спектакли, разные творческие устремления... направления, пристрастия... Общий у них адрес - "Угала".

Этери КЕКЕЛИДЗЕ.
Сцена из спектакля "Чайка"